

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180

УДК 179

О ГУМАНИЗМЕ И ТРАНСГУМАНИЗМЕ

Пилецкий Сергей Григорьевич,

доктор философских наук,

доцент кафедры истории и философии

Ярославского государственного медицинского университета,

Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Революционная, 5

ORCID: 0000-0002-1214-535X

AuthorID (РИНЦ): 507390

sergeypiletsky@yandex.ru

Аннотация

Статья поднимает проблему, довольно широко обсуждаемую не только в рамках современного философствования, но и во всём комплексе социально-гуманитарного знания, – проблему перспектив становления эпохи трансгуманизма. Ставятся вопросы: что это такое – эпоха трансгуманизма? В чем ее особенность? В чем заключается специфика того технологического базиса, который позволил бы претворять ее в жизнь? Есть ли генетическая связь между ней и истоками традиционного гуманизма? И почему большинство не только философов, но и гуманитариев вообще выступают против «невиданных преимуществ» и «благ» трансгуманизма, считая его реализацию эрой «расчеловечивания» человека? Эти и подобные им вопросы волнуют миллионы интеллектуалов по всему миру. На них пытаются дать ответ и автор данной статьи. Он начинает с того, что подвергает анализу дефиницию гуманизма, данную в двух авторитетных российских философских словарях. Далее он подкрепляет этот анализ не только своими авторскими рассуждениями и экстраполяциями, но и ссылками на позицию трех выдающихся мыслителей и знаменитых гуманистов эпохи Возрождения: Лоренцо Валла, Джованни Пико дела Мирандола и Эразма Роттердамского. Но историческую традицию гуманизма автор не пытается вычленивать изолированно. Он увязывает ее с технологической возможностью трансформации в те самые перспективы трансгуманизма. Именно в этом свете он привлекает мнение незаурядного писателя-философа Олдоса Хаксли с его романом-антиутопией «О дивный новый мир». Заканчивает статью автор тем, что предлагает вниманию читателя свою авторскую умозрительную модель того, как это может быть.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, уважение прав и достоинств личности, биотехнологии, нанотехнические разработки, кибернетические технологии, «расчеловечивание».

Библиографическое описание для цитирования:

Пилецкий С.Г. О гуманизме и трансгуманизме // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 1. – С. 166–180. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180.

Со школьной скамьи мы (во всяком случае, бывшие советские школьники) помним знаменитые слова Сатина из пьесы Максима Горького «На дне»: «Человек – это звучит... гордо!». Не будем подвергать сомнению интенцию и пафос сего заявления, примем его как аванс. Хотя справедливости ради отметим, что на один из важнейших и ключевых философских вопросов: «добр человек по своей природе или зол?», пройдя сквозь тысячелетия и сквозь тысячи «вибрирующих» разумов мыслителей обоих оппонирующих лагерей, внятного ответа пока нет. И мы сейчас от него воздержимся – это тема отдельного разговора. Ограничимся здесь лишь констатацией: если мы примыкаем к «оптимистическому лагерю» рассуждающих по означенному вопросу, то мы, во-первых, вторгаемся в «вотчину» гуманитарного знания, а во-вторых, утыкаемся в понятие и трактовки гуманизма.

В общих чертах все осознают, что такое гуманизм и гуманность, но в том-то и специфика философского дискурса, чтобы вербально прояснить общие контуры. Для этого откроем два авторитетных отечественных философских словаря. Первый, еще советский, утверждает: «Гуманизм (от лат. *humanus* – человеческий) – совокупность взглядов, выражающих уважение достоинства и прав человека, его ценности как личности, заботу о благе людей, их всестороннем развитии, о создании благоприятных для человека условий общественной жизни» [2, с. 103]. Так-то оно так, но согласитесь: кто только в человеческой истории ни заботился о благе людей! Если бегло, то и христианская церковь со всеми ее тремя враждующими конфессиями (но при этом одновременно против язычников, атеистов и всякого рода ведьм, колдунов, ведунов и знахарей), и ислам с его враждой между суннитами и шиитами (и одновременно против язычников, атеистов и всякого рода ведьм, колдунов, ведунов и знахарей). И недавно прошедший XX век с его великолепными примерами «гуманной» заботы о благе людей в виде двух возникших (и тоже враждебных друг другу) идейных и технологических тоталитарных систем в Германии и бывшем Советском Союзе. После Второй мировой войны меж двух океанов возник новый мессианский «сияющий храм на холме», и тоже с дивных высот своих нравственных истин несущий идеи высшего гуманизма на броне «Абрамсов» и на крылатых ракетах. Волей-неволей вспомнишь, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

Но в процитированном определении схвачена «соль» гуманизма, его квинтэссенция. Как бы ни компрометировали гуманизм его наиболее рьяные и ретивые адепты, всё же его «закваску» – человеколюбие – не выгра-

вишь. А раз так, то как не вспомнить в этой связи тех, самых первых, кто заварил всю эту «закваску». Джованни Пико делла Мирандола, яркий представитель итальянского Возрождения и один из пионеров раннего гуманизма, ясно выражая лейтмотив этого новоявленного идейного течения, в своем известном труде «Речь о достоинстве человека» писал: «Я прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, что когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, он ответил: “Ничего нет более замечательного, чем человек”. Этой мысли соответствуют и слова Меркурия: “О Асклепий, великое чудо есть человек!” Когда я размышлял о значении этих изречений, меня не удовлетворяли многочисленные аргументы, приводимые многими в пользу превосходства человеческой природы: человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу пронизательности ума, ясности мышления и пылкости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы, Гименей, стоящий немного ниже ангелов, по свидетельству Давида.

Всё это значительно, но не то главное, что заслуживает наибольшего восхищения. Почему же мы не восхищаемся в большей степени ангелами и прекрасными небесными хорами? В конце концов, мне показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди прочих судеб, завидный не только для животных, но и для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как же иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения» [6, с. 249, 250].

Примерно в том же ключе, разве что с большим упором на здравомыслие, житейский утилитаризм и даже гедонизм, рассуждал другой выдающийся представитель итальянского Возрождения и раннего гуманизма – Лоренцо Валла. Он призывал к более внимательному прочтению идей Эпикура. Ведь с официальной католической точки зрения философия Эпикура порицалась как противоречащая общему христианскому мировоззрению, которое отрицало наслаждение как цель человеческого существования. Именно в этом состоит, по его мысли, суть спорных моментов диалога христианина и эпикурейца. Вот что Лоренцо Валла указывал на сей счет в своем труде «Об истинном и ложном благе»: «В самом деле, чтобы показать, что вы совершенно сбились с дороги, я скажу следующее: природа предложила смертным многочисленные блага, наше же дело – уметь хорошо пользоваться ими. Одни готовятся к войне, мы же не отказываемся от мира, если это полезнее. Другие вверяют себя морю, мы с берега беззаботно смеемся над плаванием или, скорее, над плавающими. Эти из-за барышей, утомляясь, трудятся дни и ночи, мы спокойно радуемся тому, что

заработали. Там – бесплодие, чума; мы удаляемся в другое место, где более радостная жизнь. Так это разнообразие условий приведет к удовольствию, будь то днем и ночью, в ясную и облачную погоду, летом и зимой. Будем стремиться то к многолюдию городов, то к свободе и уединению сельских мест. Пусть доставит нам удовольствие передвигаться то верхом, то пешком, то на корабле, то в карете. Игру в кости сменим мячом, мяч пением, пение пляской. В высшей степени недостойно из-за вашей глупости хулить наилучший миропорядок. И если не по твоей вине с тобой случится какое-то несчастье, выноси его мужественно и надейся на лучшие времена. Опасайся, однако, оглядываясь на печальное, лишиться себя радости и веселья. Таким образом, в нашей власти следовать благам» [1, с. 52].

Но пора, однако, обратиться ко второму, уже российскому словарю и взглянуть на его дефиницию гуманизма. В нем мы находим свежую грань, новый аспект: «Гуманизм (от лат. *humanus* – человеческий, человечный) – принцип мировоззрения, основанный на убеждении, что человек является величайшей общественной ценностью, на уверенности в способности человека к неограниченному развитию и самореализации всех его сил, способностей и талантов» [6, с. 160]. Заметно, что тут упор делается на развитие способностей и талантов человеческих. А они, таланты эти, такие разные... По этому поводу мне вспоминается мысль одного из величайших умов человечества – Федора Михайловича Достоевского. Мы искренне, от всей души желаем именинникам исполнения всех их желаний. А на Новый год – так и всем поголовно. Всё трогательно и мило. Но, по мнению Ф.М. Достоевского, для того чтобы на Земле воцарился кромешный ад, жизнь превратилась в сущую преисподнюю, чего-то сверхъестественного не нужно: надо всего лишь, чтобы все наши желания сбывались. Согласитесь, что это несколько иной взгляд на наши способности, таланты и их развитие.

В этой связи вспоминается полемика интеллектуалов и практиков двух, по сути, полярных идеологий: восточной и западной жизненной парадигм, интровертивного и экстравертивного типа мышления и стиля поведения. На бытовом, жизненно-практическом уровне полярность двух индивидуально организующих, ориентирующих нравственных и поведенческих установок замечательно представлена И.А. Гончаровым в образах Обломова и Штольца. Талант великого писателя делает неактуальной 160-летнюю удаленность в частностях и деталях. Не в них, как известно, суть. Суть в том, что это два принципиально разных типажа, представляющих интерес в контексте идеи всяческого способствования развитию человеческих способностей и талантов.

За всей неблагообразностью внешней фактуры, бытовых начал и привычек, очевидной ленью и вопиющей непрактичностью Обломова,

его иронически-карикатурной инфантильностью еще более очевидна, интуитивно ясна инфантильно-нравственная чистота, по-детски наивная вера в то, что люди от природы добры и великодушны и на подлость не способны, а если поступают не так (не так, как в детстве его учила и к нему относилась «маменька»), то исключительно по неведению. Ну просто как Сократ, право слово!

Над Обломовым можно посмеиваться, свысока подтрунивать, снисходительно сочувствовать, но в чем уж точно нельзя его заподозрить, так это в подлости и предательстве. В трусости – может быть, но в спланированной низости – никогда. С точностью до наоборот дела обстоят со Штольцем (точнее, с нравственно-личностным типом, олицетворенным этим образом). За примерной видимостью физической силы, энергии, за внешней педантичной пунктуальностью и дисциплиной, за тренированной внутренней уверенностью и целеустремленностью, за рационализмом и предсказуемостью задач и их решений не менее предсказуемо представит тип выбора, когда подлость и предательство не только возможны, но и практически неизбежны в силу своей целесообразности. Нет средств моральных и аморальных, есть лишь эффективные и неэффективные. Недаром все «бесстыжие» тоталитарные режимы и подстраивающиеся под них секты этот тип мировоззрения, основывающийся на наивно-детском жизненном восприятии, на наивно-детской вере в добро и справедливость и неготовности за них биться насмерть, именуют презрительно-нарицательным словом «обломовщина».

Любые рассуждения на сей счет будут небесспорными, но следует заметить: Обломов и Штолец, как образы и образцы, не только по-разному, но и абсолютно неравнозначно выглядят и предстают пред очами Божиими. Иисус говорит: «будьте как дети», призывает хранить и беречь наследуемую с детства кротость, доброту и наивность, сторониться зла. Так словам Иисусовым учила Обломова маменька; не зря пестовала и лелеяла Илюшеньку – понял он и вскормился этим. Ведь не только безбожно, не только отвратительно, но и бесперспективно строить планы подобного рода: вот я сейчас пользы ради сподличаю, сделаю гадость, но уж потом благородными делами да молитвами отмолю да скомпенсирую, так что «минус» на «плюс» будет ноль.

Оно бы и неплохо, да не выйдет так. За плохие дела отвечать придется, причем только за плохие. А посему «Емеля на печи», «Обломов на диване» при всей своей внешней неприглядности куда более в нравственном аспекте симпатичны, Богу ближе и милы, нежели презентабельный, инициативный, целеустремленный и успешный Штолец. Если, конечно, речь идет о том Боге, о котором повествуют Евангелия. Получается, что лучше уж совсем ничего не делать, чем делать то, что сопряжено со злом. А что

уже тогда говорить о тех миллионах и миллионах совершенно бессовестных, но предельно рассудительных, организованных и предприимчивых реципиентах западническо-экстравертивной модели, в сравнении с которыми гончаровский образ Штольца, в свою очередь, образ до наивности детский. О том, что лучше, предприимчивая подлость или ленивое бездействие, а также о том, каких тяжких, непоправимых бед может наделать, казалось бы, одно малое хитроумное, ловкое, предприимчивое, плутовское дело, повествует провидческий рассказ Л.Н. Толстого «Фальшивый купон». И можно только догадываться, какими трагическими последствиями обходятся человечеству плутовские деяния покрупнее.

Что с гуманизмом не всё так просто и однозначно, было ясно уже у самых его истоков. Можно, конечно, восхищаться человеком, взывать к человечности, но при этом нельзя не замечать, что существуют глупость и подлость человеческие. Уже на заре гуманистической эры Эразм Роттердамский, этот «князь гуманистов», в своей иронично-саркастической «Похвале глупости» так писал о человеческой натуре: «Но уже настало для нас время по примеру Гомерову, покинув небожителей, снова спуститься на землю; а на земле мы не найдем ни веселья, ни счастья, которые не были бы моими дарами. Посмотрите, во-первых, с какой прозорливостью чадолюбивая и благосклонная к человеку природа хлопочет о том, чтобы нигде не было недостатка в приправе Глупости. Согласно определению стоиков, быть мудрым – это не что иное, как следовать велениям разума, а глупым – внушению чувств, и дабы существование людей не было вконец унылым и печальным, Юпитер в гораздо большей мере одарил их чувством, нежели разумом: можно сказать, что первое относится ко второму, как унция к грану. Сверх того, он заточил разум в тесном закутке черепа, а всё остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь...» [5, с. 56].

И еще: «Одним словом, без меня никакое сообщество, никакая житейская связь не были бы приятными и прочными: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, квартирант – домохозяина, сожитель – сожителя, товарищ – товарища, ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости» [5, с. 61]. Это уже не ирония, а сарказм.

Да, вот они – гуманисты, гуманитарии. Гуманитарий, к слову, это просто-напросто человек, получивший гуманитарное образование и работа-

ющий по профессии. Гуманитарное же образование – это овладение комплексом академических дисциплин, изучающих человека и сферы его жизнедеятельности. О том, насколько бывают гуманны эти самые гуманитарии, мы умолчим. Но вот относительно самого гуманизма и, соответственно, гуманности высказаться положительно надо.

Итак, гуманизм – это тип мировоззрения и такая система построения человеческого общества, где высшей ценностью считается жизнь человека, а все материальные и нематериальные ресурсы направлены на то, чтобы сделать жизнь людей максимально комфортной и безопасной. Спрашивается, разве можно с данной сентенцией не согласиться? Возражать желания не возникает, но вот задать неудобные вопросы хочется. Например: а для всех ли людей (т. е. без всякого исключения) предполагается направлять все материальные и нематериальные ресурсы, чтобы обеспечить их жизнь максимально комфортной и безопасной? – Да, отвечают гуманисты, именно для всех людей, вне зависимости от расы, этноса, пола и возраста. – А хватит ли на всех-то этих самых ресурсов? – беспокоимся мы. – Хватит, успокаивают нас гуманисты, ведь то будет эра всеобщего изобилия, когда «блага польются рекой», и будет «от каждого по способностям, каждому по потребностям». – А как же преступники, не унимаемся мы, им вы тоже обеспечите равно комфортные и безопасные условия проживания? – Так ведь преступников уже не будет, парируют гуманисты, и преступлений тоже, ибо мы изживем все «родимые пятна» проклятого прошлого и создадим новые поколения нравственно непорочных и устремленных в будущее людей.

Вы разве забыли, перехватив инициативу, стыдят нас гуманисты, что новорожденный младенец есть локковская *tabula rasa*? Соответствующими условиями воспитания и образования вылепим, что захотим. – Нет, мы не забыли ни «молочных рек с кисельными берегами», ни целых поколений нравственно чистых личностей и их шумных собраний, ни принятых на этих собраниях решений. То, о чем мечтали и мечтают гуманисты, это либо коммунистический рай на Земле, либо христианский рай на небе. Обе эти утопии (религиозную и атеистическую) при всей их формальной разности единит то, что человечество за попытку их осуществления заплатило неимоверно высокую цену. Так что то, о чем мечтали и мечтают гуманисты, надо воспринимать исключительно как восторженную идею, мечту; если начинают ее воплощать, то льется столько крови, что никакому Навуходоносору и не снилось.

Это то, что касается гуманизма, так сказать, всеобщего, не выборочного (когда не для всех). А усеченный, который отнюдь не для всех, хорошо воплощают в своей жизненной практике современные либеральные правозащитники: всякого рода нарушения прав человека их заботят подозрительно выборочно.

Но всё это относительно гуманизма, а как же быть с трансгуманизмом? Что есть транссексуалы и трангендеры, и что им в нынешнем западноевропейском обществе даны не просто равные права, а прямо-таки преференции – хорошо известно. Есть и трансгуманисты. Исходя из того, что «trans» на латыни означает «через», «за», можно подумать, что трансгуманизм – это либо распространение идей гуманизма (причем полного, а не усеченного) за пределы рода человеческого, на весь животный мир, либо распространение идей гуманизма на всю остальную Вселенную. Но нет. Оказывается, трансгуманизм – это философско-мировоззренческая доктрина (и международный форум), призывающая к использованию достижений научно-технической революции ради совершенствования умственного и физиологического потенциала человека, дабы устранить те аспекты человеческого существования, которые, по мысли трансгуманистов, для человечества нежелательны: страдания, болезни, старение и смерть.

Если оставить за скобками утопичность такого рода устремлений, то с гуманистических позиций с данной сентенцией каких-либо оснований не соглашаться нет. Но вот опыт былых поражений «глобального благодетельствования» не только научает, но и неплохо вразумляет. Так что невольно принимаешься «скрестить» эту милую обертку, и тут же сквозь нее начинают проступать не столь благообразные лики. Обнаруживается, что одной из важнейших задач трансгуманизма является противостояние «энвайронментализму» и идеологическая борьба с государственными инициативами, ограничивающими некоторые научные разработки и запрещающими, в частности, клонирование человека, использование сильнодействующих психотропных препаратов и эмбриональных стволовых клеток.

Но, однако же, энвайронментализм является социальным экологическим движением, распространившимся в XX в. и направленным на защиту окружающей среды, а также теорией по управлению социально-экономическими процессами и окружающей средой, считающей род человеческий частью биосферы и утверждающей важность преобразования природы в интересах человека. И если трансгуманизм выступает против этого, то это, мягко говоря, настораживает. Еще больше настораживает активная борьба за разрешение клонирования человека и употребление сильнодействующих психотропных препаратов и эмбриональных стволовых клеток. Всё это не просто спорно, но и спорно-то потому, что в высшей мере опасно. Причем опасно как для отдельного человека, так и для человечества.

Но трансгуманисты не склонны останавливаться на полпути. Они призывают ускорить дальнейшие исследования в указанных направлениях и присовокупить к ним новые. Наиболее перспективными они считают нанотехнические разработки в биотехнологии, разработки в информационных технологиях, исследования в сфере искусственного интеллекта по загрузке

человеческого сознания в память компьютера и криоконсервации. Многим трансгуманистам (в частности, Рэймонду Куртцвейлу) представляется, что неумолимо ускоряющийся НТП уже к середине XXI в. позволит создать некоего «постчеловека», чьи возможности будут принципиально отличны от возможностей современных людей. Особенные надежды в этом возлагаются на генную инженерию, молекулярную нанотехнологию, технику создания нейропротезов и прямого сопряжения «компьютер–мозг».

Кстати говоря, Олдос Хаксли в романе-антиутопии «О дивный новый мир» очень хорошо показал, как то, что мы именуем традиционными либеральными европейскими ценностями и гуманизмом, очень легко и, главное, «естественно» может переродиться (а точнее сказать – перерасти) в то, что мы сейчас называем трансгуманизмом. Трансгуманизм и есть тот самый «дивный новый мир», конечно же, с обновленными, более прогрессивными стандартами понимания гуманизма и человеколюбия. Олдос Хаксли в предисловии к своей знаменитой книге высказывает чрезвычайно любопытную мысль: «Дикарю предлагают лишь выбор между безумной жизнью в Утопии и первобытной жизнью в индейском селении, более человеческой в некоторых отношениях, но в других – едва ль менее странной и ненормальной. Когда я писал эту книгу, мысль, что людям на то дана свобода воли, чтобы выбирать между двумя видами безумия, – мысль эта казалась мне забавной и, вполне возможно, верной... Если бы я стал сейчас переписывать книгу, то предложил бы Дикарю третий вариант. Между утопической и первобытной крайностями легла бы у меня возможность здравомыслия – возможность, отчасти уже осуществленная в сообществе изгнанников и беглецов из Дивного нового мира, живущих в пределах Резервации. В этом сообществе экономика велась бы в духе децентрализма и Генри Джорджа, политика – в духе Кропоткина и кооперативизма. Наука и техника применялись бы по принципу “суббота для человека, а не человек для субботы”, то есть приспособлялись бы к человеку, а не приспособляли и поработали его (как в нынешнем мире, а тем более в Дивном новом мире). Религия была бы сознательным и разумным устремлением к Конечной Цели человечества, к единящему познанию имманентного Дао или Логоса, трансцендентального Божества или Брахмана. А господствующей философией была бы разновидность Высшего Утилитаризма, в которой принцип Наибольшего Счастья отступил бы на второй план перед принципом Конечной Цели, – так что в каждой жизненной ситуации ставился и решался бы прежде всего вопрос: “Как данное соображение или действие помогут (или помешают) мне и наибольшему возможному числу других личностей в достижении Конечной Цели человечества?”» [4, с. 5].

Но чуть дальше Хаксли вскрывает некоторые немаловажные детали этого нового прочтения гуманизма и человечности. «Разумеется, новый то-

тоталитаризм вовсе не обязан походить на старый. Управление с помощью дубинок и расстрелов, искусственно созданного голода, массового заключения в тюрьмы и массовых депортаций является не просто бесчеловечным (никто теперь особо не заботится о человечности), но и явно неэффективным, а в наш век передовой техники неэффективность, непроизводительность – это грех перед Святым Духом. В тоталитарном государстве, по-настоящему эффективном, всемогущая когорта политических боссов и подчиненная им армия администраторов будут править населением, состоящим из рабов, которых не надобно принуждать, ибо они любят свое рабство. Задача воспитания в них этой любви возложена в нынешних тоталитарных государствах на министерства пропаганды, на редакторов газет и на школьных учителей. Но методы их всё еще грубы и ненаучны. Наибольшие триумфы пропаганды достигнуты не путем внедрения, а путем умолчания. Велика сила правды, но еще могущественнее – с практической точки зрения – умолчание правды. Но умолчания недостаточно... Достижение обеспеченности – это лишь внешняя, поверхностная революция. Любовь к рабству может утвердиться только как результат глубокой, внутриличностной революции в людских душах и телах. Чтобы осуществить эту революцию, нам требуются, в числе прочих, следующие открытия и изобретения. Во-первых, значительно усовершенствованные методы внушения – через привитие малым детям условных рефлексов и, для старших возрастов, применение таких лекарственных средств, как скополамин. Во-вторых, детально разработанная наука о различиях между людьми, которая позволит государственным администраторам определять каждого человека на подходящее ему (или ей) место в общественной и экономической иерархии (Люди неприкаянные, чувствующие себя не на месте, склонны питать опасные мысли о социальном строе и заражать других своим недовольством). В-третьих (поскольку люди частенько ощущают нужду в отдыхе от действительности, какой бы утопической она ни была), заменитель алкоголя и других наркотиков, и менее вредный, и дающий большее наслаждение, чем джин или героин. И, в-четвертых (но это будет долговременный проект – понадобятся многие десятилетия тоталитарного контроля, чтобы успешно выполнить его), надежная система евгеники, предназначенная для того, чтобы стандартизировать человека и тем самым облегчить задачу администраторов» [4, с. 7, 8].

А теперь самое время высказаться не о внешнем фасаде трансгуманизма, а о его «изнанке» и «закулисье». А что есть и то и другое, я абсолютно убежден. «Закулисьем» трансгуманизма незримо выступает мизерная часть человечества, но мощь ее влияния за последнее столетие находится в обратно-пропорциональной зависимости к ее количественной представленности. Это те, кто мнит себя «мировым правительством», и его ближайшее окруже-

ние. И, надо сказать, у них есть все основания для такого мнения, ибо в их руках сконцентрирована невероятная финансовая, экономическая и политическая мощь. В их же владении все ресурсы средств массовой информации (кроме самых незначительных), включая и ресурсы Интернета. Они присвоили себе право решать, в каком направлении и как должно развиваться человечество. Насколько эти их планы реалистичны, это вопрос уже другой. Думаю, что совсем даже не реалистичны. И вот тут появляется та самая идеология трансгуманизма с ее спасительными перспективами. Понятно, что она и задумывалась «с двойным дном»: ее истинное нутро, ее «изнанка» – для узкого круга, а ее «витринная» часть – для остального человечества. Тут важно, чтобы споры велись вокруг официально заявляемой части. Надо ограждать проникновение в глубинную часть доводами о неприемлемости всякого рода беллетристики и конспирологии в академических спорах и укоризной в адрес тех, кто будет продолжать в этом упорствовать.

А ведь суть-то этого самого «нутра» и этой самой «изнанки» незамысловата. Ее давно уже подсказали энтомологи, вскрывшие в свое время изумительнейшую организацию сообществ насекомых. «Идеальное государство» Платона, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы и «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона ни в какое сравнение с ними идти не могут. И не только потому, что те всего лишь утопии, а эти являются вполне исправно функционирующими механизмами. Сами же энтомологи сравнивают сообщества насекомых не с действующим механизмом, а с функционирующим коллективным суперорганизмом. У общественных насекомых нет ни зависти, ни злости, ни трусости, ни предательства, ни лжи, ни коварства, ни лицемерия, ни ханжества, ни ропота, ни топота. Правда, и ничего другого из человеческого арсенала у них тоже нет, но им этого и не надо. У них есть только долг, вписанный в их гены. Они биороботы. Весь жизненный цикл каждого из них (в зависимости от касты) представляет собой совокупность генетически детерминированных программ, на этологическом уровне реализуемых в виде комплексов инстинктивных образцов поведения. Вот бы с человеком нечто подобное устроить!

И пытались. Что только ни пробовалось: гипноз, инфразвук, электромагнитные поля, различные методики воздействия на психику и манипулирования ею, гормоны, опиаты и опиоиды, а также другие природные, синтетические и полусинтетические препараты, и всё с одной лишь целью – найти способ принудить человека к поступкам в запланированную и желательную сторону. И обнадеживающие результаты есть, но какие-то невыдающиеся: для одних индивидов очень хорошо работают, для других – не очень, а для третьих – очень даже нехорошо. А главное – нет необходимой массовости: суммарно вторая и третья категории индивидов в разы превосходит первую.

Но дождались: появляются трансгуманистические «радужные» горизонты. Если совместными усилиями геной инженерии, молекулярной нанотехнологии и кибернетики можно будет создать модель «человека-киборга», то это в корне поменяет ситуацию. И дело не в том, что это позволит активно использовать биопротезы, а значит, вовремя отремонтировать изнашиваемые «детали» и по необходимости заменять их. Главное – это даст реальную возможность программирования поведения, что раньше было фантазией несбыточной. Создание объединенной кибернетической системы «компьютер–мозг» позволит во многом решить эту задачу. Попробуем «широкими мазками» нарисовать, к чему это может привести.

Исчезнет пропаганда со всем штатом ее сотрудников и методических отделов – ее место займет техническое программирование. Программы будут дифференцированы по категориям работников. Специальными сигналами они будут определять время подъема с постели поутру, отправку дружными колоннами на работу и не менее дружными колоннами по домам. И это будут по-настоящему «умные» дома! Каждому будет предписана своя диета, точно расписанная по килокалориям, минералам, витаминам и гормонам. Что же касается проведения досуга, то каждому работнику (если он не провинился) будет предоставляться возможность реализовывать самые свои сокровенные желания, причем во всевозможных категориях: кино, музыка, театр, спорт, охота, рыбалка, музеи, путешествия, история, секс и пр. У каждого будет свой шлем виртуальной реальности, подключенный к центральной информационной базе, и каталог различных опций по соответствующим разделам. Надел шлем – и у тебя стопроцентная иллюзия присутствия, скажем, на живом концерте любимой группы, или участия в приключениях Джеймса Бонда, или путешествия по африканской саванне, сельве Амазонки, сибирской тайге – только изъяви желание. У каждого будет своя мультикарта, т. е. полный биометрический и информационный паспорт, куда будут начисляться и откуда будут взиматься начисленные за работу и премиальные кредиты. С семейных пар государство снимет заботу об их отпрысках – они будут воспитываться в специализированных детских интернатах, как дошкольных, так и школьных. Разумеется, родителям, если к ним претензий нет, будет позволено в их выходные дни забирать своих детей к себе. Рай, да и только!

Каждой категории работников будут прописаны перспективы карьерного роста: от начальников «малой руки» до начальника «большой руки». Естественно, с приличествующими каждому рангу отличительными знаками на форме, ритуалами приветствия со стороны подчиненных и соответствующего объема кредитов. Однако та или иная степень привилегий накладывает на начальствующую особу и груз ответственности за руководимый ею персонал: когда много дано, много и спрошено будет. И хотя

до «лучезарной элиты», т. е. до руководителей планетарного масштаба, им никогда не дорасти, как ни старайся, любой труженик осознаёт, что «небожители» существуют, и они заботятся о всём работном люде.

К сожалению, наряду с трудолюбивыми исполнителями, ответственными руководителями и просвещёнными «небожителями», пусть и в очень незначительных количествах, могут существовать и возмутители спокойствия, бунтари и смутьяны, тунеядцы и всякого рода асоциальные типы. Но время карательных органов, как и пропаганды, тоже пройдёт. Социальные «мутанты» легко выявляются через равнодушные окружающих, их деятельность быстро пресекается незамедлительным реагированием. За малые «шалости» можно лишать премий, сокращать отпуск, не разрешать видаться с детьми, на какое-то время отключать от информационной базы развлечений, но за упорство в больших «шалостях» санкция одна – отключение от жизни. Искусственный отбор гораздо более эффективен, нежели отбор естественный. За ним будущее.

Так что тем, кто не желает прихода такого будущего, пора уже пробуждаться от равнодушия сегодня. Надо разоблачать неявную суть трансгуманизма и в меру сил бороться с ним. Дело ведь не в том, что возможное торжество трансгуманизма будет сопряжено с великим «расчеловечиванием» человека, а в том, что его победа будет знаменовать собой учреждение тоталитарного режима и жесточайшей эксплуатации невиданного масштаба. Сами же «небожители» и их ближайшее окружение могут продолжать быть ортодоксальными в своем предпочтении естественных продуктов искусственным, естественных зон отдыха, путешествий и сексуальных утех виртуальным. Издревле же известно: то, что позволено юпитерам, не позволено быкам.

Литература

1. *Валла А.* Об истинном и ложном благе; О свободе воли. – М.: Наука, 1989. – 476 с.
2. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1986. – 588 с.
3. *Философский словарь* / под общ. ред. А.П. Ярепенко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 560 с.
4. *Хаксли О.* О дивный новый мир. – СПб.: Амфора, 1999. – 220 с.
5. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.
6. *Эстетика Ренессанса.* Антология. В 2 т. Т. 1 / сост. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – 495 с.

Статья поступила в редакцию 13.04.2020.

Статья прошла рецензирование 15.06.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180

ON HUMANISM AND TRANSHUMANISM

Piletsky Sergey,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Associate Professor, Department of History and Philosophy,

Yaroslavl State Medical University,

5 Revolyutsionnaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1214-535X

AuthorID (RSCD): 507390

sergeypiletsky@yandex.ru

Abstract

The paper raises the problem, quite widely discussed not only in the frame of modern philosophizing, but in the whole complex of socio-humanitarian knowledge – the problem of the perspectives of the formation of the epoch of transhumanism. What is it – the epoch of transhumanism? What are the peculiar properties of it? And what are the specifics of that technological bias which would allow put it into practice? Is there a genetic bond between transhumanism and the sources of the traditional humanism? And why the majority of not only philosophers, but all humanitarians speak out against “the unprecedented advantages” and “the good” of transhumanism, considering its realization as the era of “dehumanization” of a human being? These and similar questions worry millions of intellectuals all over the world. The author of this paper tries to give his answers. He analyses the definitions of humanism, given in two authoritative philosophical dictionaries. Then he reinforces his analysis with not only his own reasonings and extrapolations, but with the positions of three outstanding thinkers and famous humanists of Renaissance – Lorenzo Valla, Pico della Mirandola and Erasmus Roterodamus. However the author tries to consider the historical tradition not isolated but to link with the technological opportunity of its transformation into those perspectives of transhumanism. That’s why the author draws attention to a remarkable writer-philosopher Aldous Huxley with his anti-utopian novel “Brave New World”. The author concludes the paper with offering to the reader’s attention his author’s speculative model how it can be.

Keywords: humanism, transhumanism, respect for the rights and dignity of the individual, biotechnologies, nanotechnology, cybernetic technologies, “dehumanization” of a human being.

Bibliographic description for citation:

Piletsky S. On Humanism and Transhumanism. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 1, pp. 166–180. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180.

References

1. Valla L. *Ob istinnom i lozhnom blage; O svobode voli* [On True and False Good. On Free Will]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 476 p. (In Russian).

2. Frolov I.T., ed. *Filosofskii slovar'* [The Philosophical Vocabulary]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 588 p.
3. Yareshchenko A.P., ed. *Filosofskii slovar'* [The Philosophical Vocabulary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2004. 560 p.
4. Huxley A. *O divnyi novyi mir* [Brave New World]. St. Petersburg, Amphora Publ., 1999. 220 p.
5. Erasmus Roterodamus. *Pokhvala gluposti* [The Praise of Folly]. Moscow, AST Publ., 2017. 320 p. (In Russian).
6. Shestakov V.P., ed. *Estetika Renessansa. Antologiya*. V 2 t. T. 1 [The Renaissance Aesthetics. Anthology. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981. 495 p.

The article was received on 13.04.2020.

The article was reviewed on 15.06.2020.